

—

«Сяо Лю*, то, что говорят на улице, это правда или... эх».

[* □ Liù - шесть; Сяо Лю - потому что он шестой ребёнок в семье]

«Мы не хотим тебя допрашивать, просто если что-то случилось, члены одной семьи должны знать об этом первыми».

Ближе к вечеру в дом Цзи Янцзуна собрались несколько членов клана Цзи.

Цзи Янцзун был самым младшим из мужчин в роду Цзи, занимал шестое место в семье. У него было несколько старших братьев и сестёр, а также младшие геры и сёстры.

Сейчас несколько его старших братьев пришли в дом и расспрашивали о Таоюе.

Неудивительно, что они волновались. Репутация одного из детей рода, даже если он из другой ветви, всё равно повлияет на остальных в той или иной степени.

Хотя это уже не так, как в прежние времена, когда даже дальних родственников порочили и было трудно выйти замуж или жениться, сейчас в приличных семьях всё равно обращают внимание на репутацию детей из одного клана.

У нескольких старших братьев Цзи Янцзуна в семьях были как геры, так и девушки. В этом году двоим или троим уже подошло время для помолвки. Как не волноваться из-за такого дела?

«Это совсем не так!»

Цзи Янцзун выругался в гневе. Он вернулся с работы усталый, и только когда Таоюй поспешно прибежал домой, узнал, что отец и сын Чжоу были в деревне. Он сразу же послал Да Ню расспросить.

Его братья приехали к нему всего через четверть часа после того, как он узнал, какие отвратительные слухи распространились на улице.

«Но в чём дело? Я изначально не одобрял, что ты поспешно расторг помолвку с семьей Юй. Такая хорошая помолвка отменена, люди будут говорить».

«Смотри, сейчас говорят такие гадости!»

Цзи Янцзун ещё не успел понять, что происходит, как его братья один за другим стали приходить, и их расспросы только усилили его гнев.

«Брат, ты не одобрял потому, что боялся потерять выгоду от расторжения помолвки, или из-за репутации? Может, это и неизвестно!»

«Эй, мы же семья, зачем говорить такие вещи. Сяо Лю, почему ты так разговариваешь со старшим братом?»

«Смотри, Сяо Лю, я спокойно пришёл спросить его, что случилось, а он, видите ли, ведёт себя как староста и отчитывает меня!»

Они говорили наперебой, и вот-вот должна была разгореться ссора. Хуан Маньцзин, видя, что разговоры становятся всё хуже, поспешно увела Таоюя в комнату.

«Мама...»

Таоюй потянул Хуан Маньцзин за край одежды: «Что всё-таки происходит?»

«Не волнуйся, сначала оставайся в комнате и не выходи, пока мама не позовёт. Твои дяди тоже беспокоятся о двоюродных братьях и сестрах, они пришли, чтобы разобраться в ситуации, а не ругать тебя».

Хуан Маньцзин утешила его: «Все нервничают, между родными братьями говорят прямо, без лишних церемоний, тебе лучше держаться подальше».

Таоюй ответил: «Понял».

Хуан Маньцзин с успокаивающим видом похлопала Таоюя по руке и только тогда вышла.

В начале зимы темнеет рано, и незаметно уже спустились сумерки, спальня стала особенно мрачной.

Таоюю было очень беспокойно на душе, он рассеянно сел перед туалетным столиком.

Ему удалось наконец-то пережить расторжение помолвки с Юй Линсяо, а прошло всего ничего, и вот снова поползли такие отвратительные слухи.

Видя, как его дяди в такой спешке пришли в дом, это уже касалось не только их семьи, но и наносило ущерб их сородичам.

Юй Линсяо сдал сначала экзамен на сюэя, а затем и на цзюйжэня, дяди в семье были очень довольны. Отец раньше ради него расторг помолвку, о чём несколько дядей, узнав, сразу же не одобрили.

Они говорили, что отец поступил поспешно и необдуманно, не зная, как удержать Юй Линсяо мягкостью и уговорами. А ещё говорили, что Юй Линсяо теперь цзюйжэнь, и у него есть некоторые причуды, и он, конечно, не будет таким же бедным ученым, как раньше, который позволял отцу говорить всё, что угодно.

Они говорили, что отец расторг помолвку из-за одной ссоры, потеряв такую хорошую помолвку с семьей Юй. В будущем семья Юй будет намного выше семьи Цзи, и, возможно, даже титул старосты придётся вернуть.

Отец не спорил с дядями, позволяя им высказывать своё недовольство, проглотив обиду.

Изначально он думал, что дело на этом закончилось, но не думал, что возникнет такая неприятность.

При мысли об этом глаза Таоюя покраснели, и он бессильно уткнулся в стол.

В семье он был единственным гером. Ладно, если он не мог принести славу родителям, так он ещё и доставлял им столько хлопот.

Самообвинение и вина в сердце Таоюя были гораздо сильнее, чем обида на то, что семья Чжоу вдруг изменила своё отношение и бросила его, как ненужную вещь.

«Цзи Таоюй».

Таоюй вдруг перестал всхлипывать, словно услышав, что кто-то его зовёт.

Он колеблясь поднял голову и увидел у окна высокую тень.

Таоюй встал, ноги его слегка дрожали. Он, опираясь на угол стола, подошёл немного ближе. Увидев пришедшего, его глаза ещё больше наполнились слезами.

«Я не делал этого».

В комнате не было света, Хо Шу изначально думал, что никого нет, но, подойдя к окну, услышал тихое всхлипывание.

Маленький гер, лежавший на туалетном столике, почти слился с полумраком комнаты. Только

по едва заметным всхлипам можно было понять, где он находится.

Хо Шу смотрел на человека, стоящего недалеко, с покрасневшими глазами, полными слез, с обиженным и дрожащим голосом.

Он глубоко вздохнул и нахмурился.

«Я знаю».

Таоюй опустил голову, слёзы внезапно потекли. Он тихонько всхлипывал.

«Откуда ты можешь знать? Только потому, что хочешь меня защитить?»

Хо Шу почувствовал, словно что-то вдруг застряло в его сердце.

Он стоял у окна, понизив голос: «Я верю, что ты этого не делал».

Таоюй поднял глаза и посмотрел на Хо Шу, скрытого в ночной тьме. В тусклом свете его лица не было видно, но сейчас ему казалось, что он видит серьёзный взгляд Хо Шу.

«Не плачь, подойди, я тебе всё расскажу».

Хо Шу сказал: «Я уже слышал, что произошло. Дело подозрительное, поэтому я специально пришёл».

Таоюй, услышав это, шмыгнув носом и поспешно подбежал к окну: «В чём подозрительность?»

Он только что плакал, его голос немного дрожал, что делало его особенно жалким.

Брови Хо Шу нахмурились.

Он сказал: «Ты знаешь, что говорят на улице?»

Таоюй поджал губы, не зная, как начать говорить.

Хо Шу, увидев это, сказал за него: «Говорят, что ты и Юй Линсяо были слишком близки и совершили непристойные поступки. Сейчас слухи распространяются однобоко, те, кто изначально поддерживал вашу семью Цзи в деле расторжения помолвки, теперь вдруг встали на сторону семьи Юй. Тебе не кажется, что это слишком подозрительно, словно кто-то намеренно распространяет слухи?»

Хотя Таоюй считал эти слова отвратительными, но когда Да Ню пошёл расспрашивать, он услышал именно то, что сказал Хо Шу: «Но кто мог быть таким злым и осмелиться на такое?»

Хо Шу продолжил: «Тогда подумай ещё, какой будет результат, если слухи будут распространяться дальше».

Таоюй, не думая, сказал: «Конечно, моя репутация будет испорчена, и ни одна семья не осмелится предложить мне брак. Это даже затронет моих двоюродных братьев и сестёр».

Хо Шу сказал: «Староста и твои дяди ни за что не допустят, чтобы дело дошло до такого, они обязательно найдут способ его решить. Как ты думаешь, какое лучшее решение для них?»

Таоюй нахмурился, задумавшись: «Один за другим пойти и найти тех, кто говорил эти сплетни, и выяснить, кто первым их распространил».

«Семья Цзи — влиятельная семья в деревне. Неподтверждённые слухи, даже если ты их найдёшь, думаешь, они осмелятся признаться?»

Таоюй немного подумал: «Действительно, этот способ не сработает. В таком случае нужно сделать так, чтобы всем было нечего говорить. Если так, то остаётся только обратиться к семье Юй и снова возобновить эту помолвку...»

Не успел он договорить, как сам понял, что что-то не так, и вдруг посмотрел на Хо Шу: «Брат Хо подозревает, что семья Юй намеренно распространила слухи!»

Хо Шу сказал: «Я не утверждаю, что это сделала семья Юй, но эти слухи появились уж слишком кстати, и как нарочно их услышали отец и сын Чжоу».

«Твой отец — староста. Обычные люди, хоть и не живут полностью под властью твоего отца, но знают, что обижать старосту не приведёт к спокойной жизни. Кто в деревне так сильно вас ненавидит, что осмелится на такое коварство? И ещё так глупо делает из этого историю о прежней помолвке семей Цзи и Юй. Сейчас семья Ю в деревне в зените славы, обидеть сразу два влиятельных клана в деревне — какая семья на это пойдёт?»

Сердце Таоюя сжалось. Он чувствовал, что в словах Хо Шу есть доля правды, но всё же не мог не сомневаться:

«Но это не должно быть так. Когда родители ходили в семью Юй расторгать помолвку, семья Юй не особо удерживала. Если бы они действительно не хотели расторгать помолвку, почему они так легко согласились бы на расторжение? Зачем, когда всё уже решилось, делать такие неблагодарные вещи?»

Хо Шу посмотрел на лицо, которое в туманном лунном свете было не очень чётко видно, но по

чертам лица можно было понять, что это красивый человек, и тихо вздохнул.

«Я не знаю точной причины и деталей, я только знаю, что человек в своём высокомерии думает, что всё находится под его контролем, и люди вокруг него, кажется, не имеют своего мнения, только его желание является приоритетом. Однако, когда люди рядом уходят, он тоже думает, что это просто каприз, пока не осознаёт, что это серьёзно, и только тогда сожалеет. И ещё завидует, изо всех сил, даже беспринципно, пытаюсь вернуть то, что, по его мнению, принадлежит ему».

Таоюй, услышав это, крепко сдвинул брови. Лицо его было детским, но взгляд был необычайно твёрдым: «Независимо от того, сделала это семья Юй или нет, у нас с ним больше нет будущего».

Сказав это, Таоюй протянул руку и вытер уже остывшие на его лице слезы: «Но всё это, хотя и кажется логичным, всё же только предположения. Как быть дальше?»

«Завтра же выйди из дома, попробуй случайно встретить Юй Линсяо, послушай его мнение об этом, и посмотри, сможешь ли найти какие-то зацепки».

Хо Шу сказал: «Вместо того, чтобы прятаться дома, лучше выйти навстречу».

Таоюй поспешно кивнул.

Дома сейчас всё перевернулось вверх дном, и вместо того, чтобы плакать в комнате, ему больше хотелось помочь семье решить проблемы, возникшие из-за него.

«Раз ты меня послушал, я пойду».

Таоюй поспешно зажёл масляную лампу на столе, и комната мгновенно наполнилась светом.

Тёплый жёлтый свет осветил высокую фигуру, стоявшую у окна.

«Брат Хо!»

Таоюй поспешно окликнул его: «Твоя рука... всё ещё болит?»

Хо Шу остановился. Он повернулся и посмотрел на Таоюя, прижавшегося к окну. Глаза его под масляной лампой уже немного распухли, уголки глаз были красными.

«Я в порядке. Но ты, пожалуйста, перестань плакать по ночам».

Таоюй послушно сказал: «Понял».

После разговора с Хо Шу, дело, у которого не было никакого решения, вдруг обрело нить. У него появилась поддержка, и он уже не так сильно переживал.

«Брат Хо, спасибо тебе».

Брови Хо Шу слегка шевельнулись. Ему не нужна была его благодарность, но увидев искреннюю благодарность, он почувствовал себя не так уж плохо.

Подумав, что завтра ему ещё придётся встречаться с Юй Линсяо, Хо Шу всё же немного забеспокоился: «Таоюй, ты помнишь, что я тебе говорил в тканевой лавке «Десять ли?»»

«Э?»

Таоюй, конечно, помнил, но Хо Шу тогда много чего говорил, и он не знал, о каких именно словах сейчас идёт речь.

Хо Шу терпеливо повторил: «Если этот человек со слезами на глазах расскажет тебе о своих трудностях, о том, как ему тяжело, с таким жалким видом, будто он вот-вот умрёт, сможешь ли ты в тот момент сохранить такое же ясное сознание, как сейчас?»

Таоюй прямо посмотрел в глаза Хо Шу, которые когда-то пугали его, вызывали уважение, а теперь казались ему надёжными: «Я посмотрю назад, но ни за что не вернусь».

Сердце Хо Шу успокоилось: «Хорошо».

Сказав это, он повернулся и вошёл под персиковое дерево: «Я пошёл».

Таоюй смотрел, как человек исчезает за стеной двора, и долго стоял у окна, прежде чем вернуться в комнату.

На следующий день Таоюй встал рано, и когда он вышел из комнаты, ещё не рассвело.

Супруги Цзи всю ночь спорили с родственниками, но так и не смогли прийти к удовлетворительному решению, и разошлись не в лучшем настроении.

Они всю ночь не спали от беспокойства, но в их возрасте бессонница была уже не редкостью, так что явной усталости не было видно.

Наоборот, увидев, что их маленький гер встал так рано, они подумали, что он всю ночь не спал.

Но они увидели, что, кроме лёгкого покраснения глаз, у Таоюя не было других признаков недомогания.

Вчера вечером супруги боялись, что Таоюй будет слишком расстраиваться, и долго стояли у двери, и только услышав, что в комнате нет плача, вернулись к себе.

Супруги немного успокоились, но в то же время почувствовали, что Таоюй какой-то необычный. Во время завтрака Хуан Маньцзин осторожно сказала:

«Не бери это близко к сердцу. Они могут только за спиной сплетничать. Папа и мама найдут способ решить проблему».

Таоюй поел немного каши и спросил: «Где дяди, когда они ушли вчера?»

«Не обращай на них внимания, стоит только чему-то случиться, как они начинают суетиться. Они всегда такие».

Цзи Янцзун положил палочками Таоюю немного овощей: «В следующий раз, когда они придут говорить об этом, ты даже не показывайся. Папа сам с ними справится».

Таоюй кивнул.

«Папа и мама не беспокойтесь, я в порядке».

Супруги, услышав это, всё равно не успокоились и с беспокойством позавтракали.

Таоюй подождал, пока полностью рассветёт, надел ещё один слой одежды и вышел из дома.

Раз уж дело дошло до такого, он больше не мог пренебрегать своим здоровьем, чтобы не заболеть ещё сильнее.

Таоюй вышел из дома, неся на спине маленькую корзину, под предлогом сбора овощей и хотел посмотреть, что происходит.

Он взглянул в сторону семьи Юй и немного колебался, не зная, стоит ли идти к Юй Линсяо.

Но даже до расторжения помолвки семья просила его вести себя скромнее, не ходить к Юй Линсяо без повода, поэтому на самом деле он видел Юй Линсяо в основном, когда тот сам приходил к нему.

Он шёл рассеянно и встретил двух односельчан.

Крестьяне по-прежнему тепло с ним поздоровались, но в их взгляде чувствовалось некоторое оценивание.

Вероятно, все уже знали о случившемся. Раз уж он нашёл в себе силы выйти, он, конечно, не собирался обращать внимание на эти взгляды деревенских жителей.

Он продолжил идти вперед и, проходя мимо бамбуковой рощи, вдруг услышал, как кто-то окликнул его, незнакомый, но в то же время немного знакомый голос.

Таоюй обернулся и увидел, что это Юй Линсяо. Он не искал способ его найти, а вот так случайно на него наткнулся.

Увидев этого человека снова, Таоюй почувствовал себя так, будто прошла целая вечность, хотя они не виделись всего полмесяца.

«Господин Юй, что-то случилось?»

Юй Линсяо наконец-то увидел человека, о котором постоянно думал, и встретился с ним лицом к лицу. На его лице, конечно, расцвела улыбка, но услышав отчуждённые слова Таоюя, улыбка сразу же застыла.

«А-Юй, я знаю, что ты, конечно, обижен на меня, но, веришь или нет, я никогда не хотел тебя обмануть, я искренне хотел на тебе жениться».

Таоюй смотрел на нахмуренные брови Юй Линсяо, на его искренний взгляд, на его красивое лицо с выражением человека, скрывающего что-то важное. Если бы не та встреча в тканевой лавке «Десять ли», когда он увидел его льстивое поведение, он, пожалуй, растрогался бы и подумал, что у него действительно были неотвратимые трудности.

Неудивительно, что Хо Шу спрашивал его, сможет ли он сохранить ясное сознание. В конце концов, он был слишком неопытен, чтобы сразу разглядеть истинную натуру человека перед собой.

В какой-то момент ему стало смешно: «Если вы искренни, почему до этого дошло?»

Юй Линсяо поспешно сказал: «В тот день, когда дядя пришёл в дом расторгать помолвку, я изо всех сил пытался его остановить, но моя мать согласилась, потому что боялась, что я пропущу императорский экзамен. Это моя вина, что я тогда не остановил мать. Я несколько раз хотел прийти к тебе, но дядя Цзи не пускал меня, я хотел ему всё объяснить, но дядя был зол и строго меня отчитывал».

«А-Юй, я не боюсь, что дядя будет ругать меня, я его разочаровал, и его упреки заслужены. Но я не могу тебя увидеть, и сердце моё горит от беспокойства. Я не сплю по ночам. Если так

пойдёт, не только экзамены не сдам, но и дальше будет тяжело».

Таоюй спокойно смотрел, как Юй Линсяо притворяется. Он, без сомнения, очень хорошо умел притворяться жалким.

Раньше, когда он жил в деревне один с матерью, им было тяжело, поэтому слова самообвинения и признания ошибок давались ему легко, а его красивая внешность просто усиливала этот эффект, делая его ещё более способным обманывать людей.

Но он увидел, как ему удалось угодить обеим сторонам, и это только усилило его отвращение.

Таоюй сказал: «Мой отец всегда дорожил честью. Если кто-то ведёт себя нечестно, как он может не злиться?»

Юй Линсяо, видя это, сказал: «Я знаю, что я виноват, но теперь на улице так ужасно говорят. Если дядя будет по-прежнему так непреклонен, разве это не навредит тебе!»

Таоюй притворился глухим: «Что говорят?»

Юй Линсяо, видя, что Таоюй, кажется, не в курсе, какое-то время не знал, как начать говорить. Он немного помучился, подумал, что тот рано или поздно узнает, и сказал: «Ты сначала обещаешь мне, что не будешь волноваться».

Таоюй промолчал.

«Не знаю, какая сплетница, но она наврала, сказав, что мы с тобой когда-то были слишком близки и совершили непристойные поступки. Сейчас в деревне об этом всюду говорят. Я-то мужчина, мне ещё ничего, но как можно говорить такое о тебе, молодом гере. Эти женщины действительно вульгарны!»

«Как мог возникнуть такой слух? Может ли быть, что кто-то намеренно его распространил?» Таоюй внимательно посмотрел на Юй Линсяо и спросил: «Знаешь ли ты, кто это распространил?»

«Откуда мне знать!»

Юй Линсяо внезапно почувствовал, что его тон слишком высок: «Я не знаю, кто распространяет эти слухи. Если бы я знал, ни за что не оставил бы этих сплетников в покое».

Таоюй сказал: «Ты говоришь, что говорили женщины. Я думал, ты знаешь, кто это».

«Я просто видел, как несколько женщин в деревне разговаривают об этом, поэтому так говорю, но не знаю, кто первым начал распространять эти слухи». Юй Линсяо немного оправдывался, и только потом заметил, что реакция Таоюя кажется необычной: «А-Юй, похоже, тебя не волнуют эти слухи?»

«Чистый всегда чист. Думаю, господин Юй также поможет мне доказать это ради своей репутации».

Таоюй с холодным взглядом посмотрел на Юй Линсяо: «Иначе это навредит господину Юй и не позволит ему объясниться перед начальством».

Сердце Юй Линсяо сжалось, он почувствовал, что Таоюй на что-то намекает, и заподозрил, не узнал ли он о деле с семьей Сюэ.

«А-Юй, это всё моя вина, что ты стал объектом критики. Если ты согласишься, мы можем забыть о прошлом и всё равно пожениться».

«Не нужно. Не говоря уже о том, что госпожа Сунь меня не любит, разве не было бы господину Юй непочтительным идти против воли старших? Даже если он может быть непочтительным, как он может бы отказаться от семьи тестя, которая может помочь ему в карьере? Семья Юй — это кто? Наша семья Цзи не может тягаться с ними».

Таоюй насмешливо сказал несколько фраз. Видя, что ничего не удастся выяснить, он не хотел больше с ним разговаривать и сказал: «Я пойду».

«А-Юй!»

Юй Линсяо, удивлённый тем, что некогда мягкий и сговорчивый гер вдруг так изменился в характере, был немного растерян. Увидев, что Таоюй холодно сказал и собирается уходить, он поспешно бросился за ним: «Всё не так, как ты думаешь».

«Господин Юй, будьте благоразумны. Я не хочу, чтобы меня снова обсуждали в деревне. В будущем лучше не общаться».

Таоюй быстро вышел из поля зрения Юй Линсяо. Он раздражённо сдвинул брови, вспоминая детали разговора с Юй Линсяо, есть ли что-то подозрительное. Задумавшись, он чуть не столкнулся с человеком, который вдруг появился неизвестно откуда.

Таоюй поднял голову и увидел, что это Хо Шу, и невольно снова тяжело вздохнул. «Напугал меня до смерти!»

«Юй Линсяо тебя не напугал, а я напугал».

Таоюй поджал губы. Иногда он думал, что Хо Шу, хоть и выглядит большим, на самом деле мелочный.

«Это не так».

Хо Шу не собирался подшучивать над ним, поэтому он спросил: «Как?»

Таоюй, увидев это, с некоторым разочарованием покачал головой: «Он держится очень закрыто, мне не удалось ничего выяснить. И я сам не слышал, как деревенские жители распространяют слухи, поэтому трудно судить».

«Неудивительно, что ты не нашёл нить. Если это действительно он виноват, то у него, конечно, есть какой-то характер, и ты не вытащишь из него ничего за несколько слов».

Несмотря на это, Таоюй всё равно немного поник: «Тогда что делать?»

«Не волнуйся, найдём зацепку».

Не успели слова затихнуть, как взгляд Хо Шу вдруг изменился, и он холодно спросил: «Кто!»

Таоюй инстинктивно хотел увернуться, но повернув голову, он увидел, что это гер из семьи Юй, стоявший недалеко в лесу. Неизвестно, хотел ли он подслушать их разговор или просто проходил мимо, но он очень боялся Хо Шу. Даже малейшее движение было замечено Хо Шу.

Юй Ся действительно очень боялся Хо Шу. Обнаружившись, он вздрогнул. Он осторожно подошёл, не смея смотреть на Хо Шу, и тихо сказал Таоюю: «Я... я хочу тебе что-то сказать».

Таоюй недоумевал. С тех пор, как госпожа Сунь с Юй Ся приходила к нему домой извиниться после того случая с утоплением, он, кажется, больше его не видел. Он не знал, почему тот вдруг нашёл его сегодня.

Он невольно взглянул на Хо Шу. Увидев, что тот не возражает, Таоюй подумал, что раз Хо Шу рядом, он тоже ничего не осмелится сделать.

«Говори».

Юй Ся взглянул на Хо Шу сбоку, увидев, что тот не собирается уходить, оставил эту мысль: «Сейчас в деревне все обсуждают тебя и двоюродного брата. Ты, ты знаешь?»

Таоюй ответил: «Да».

«Позавчера я видел, как госпожа Ван из Цзяньгоу тайно заходила к семье Юй. И не один раз».

Юй Ся сказал: «Она в деревне известная сплетница, обо всех сплетничает, со многими семьями в деревне у неё были разногласия, репутация у неё очень плохая».

«Хотя тётушка раньше была бедной, но характер у неё тоже очень гордый. Даже если она и будет льстить, то только хорошим семьям, она ни за что не стала бы общаться с такими людьми».

Юй Ся опустил голову и сказал: «Раньше я тебе навредил. Сколько бы извинений я ни сказал, это бесполезно. Пусть это будет моей компенсацией».

Сказав это, Юй Ся поспешно убежал.

Таоюй сдвинул брови, глядя, как человек исчезает на деревенской дороге.

Ему было горько во рту, он не мог говорить, не мог поверить, что такая коварная история, разрушающая репутацию, действительно была делом рук семьи Юй.

Две семьи, из родственных, стали чужими в этот день, хотя и немного не так, как хотелось бы, но прежние чувства были искренними. Он не думал, что семья Юй, перейдя мост, разрушит его, но они даже так навредили ему, навредили семье Цзи.

Даже если, как сказал Хо Шу, Юй Линся из ревности хотел всё вернуть, почему он использовал такой способ, чтобы его уничтожить?

Таоюй едва мог стоять. Хо Шу вовремя схватил его за край одежды: «Он сказал это про семью Юй?»

Глаза Таоюя покраснели, и он кивнул:

«Госпожа Сунь действительно такая, как сказал Ся гер, у неё гордый характер. Юй Линся ещё учится. Она ни за что не стала бы общаться с такими людьми, как госпожа Ван. Муж госпожи Ван был бандитом, погиб, когда разбойничал в городе, оставил сына, который тоже пошёл по стопам отца и стал хулиганом, часто обижает односельчан».

«Раньше у госпожи Сунь была плохая репутация, и госпожа Ван тоже много сплетничала о ней за чаем и после еды. Госпожа Сунь ненавидела ее, и она определенно не будет общаться с ней после того, как Юй Линся успешно сдал экзамены».

Таких женщин, которые знают все сплетни в деревне, все презирают и пренебрегают ими, но в обычной скучной жизни любят с ними поболтать, послушать сплетни. В конце концов, это не

они говорят, есть кто-то другой, кто принимает удар на себя.

Поэтому у этой женщины из семьи Ван с виду были неплохие отношения с людьми.

Если распространять слухи, то поручить это такой женщине — самое подходящее, но с другой стороны, она тоже может дать ответный удар.

Хо Шу, услышав это, сказал: «Раз ты уже знаешь, кто это начал, поймай эту Ван и заставь её всё признать, и тогда твоя репутация будет восстановлена».

Таоюй забеспокоился: «Но она не признается так просто. Их семья всегда была бесстыдной, просто бандиты и хулиганы. Боюсь, вместо того, чтобы заставить её признать, что она распускала слухи, она сама набросится на нас».

«Ты думаешь, хулиган осмелится на меня напасть? Я такой человек, который противостоит бандитам».

Сказав это, Хо Шу взглянул на Таоюя: «Иди домой, остальное предоставь мне. Через пару дней я обязательно заставлю семью Юй вернуть тебе честное имя».

—

<http://bllate.org/book/14480/1281187>